

Гу Чжэнь покачал головой и произнес:

— Слишком опасно. Я ведь канцлер целого государства, не могу так легкомысленно рисковать своей жизнью. Возможно, в будущем представится подходящий случай.

Хэ Сюйлян не стал ничего говорить, но, поскольку трапеза затянулась, он встал и, поклонившись, произнес:

— Я отправляюсь на тренировку с солдатами. Прошу прощения, но мне придется удалиться.

Гу Чжэнь кивнул и махнул рукой, давая понять, что тот может идти.

Как только Хэ Сюйлян ушел, Гу Чжэнь начал размышлять над его словами. Кролики, олени, змеи... Возможно, там есть и то, что он еще никогда не видел. Мысль о том, чтобы отправиться в горы и побродить там, все больше захватывала его. Чем больше он думал, тем сильнее возбуждался, и в итоге, охваченный азартом, спустил штаны...

— Ааааа, черт возьми, братан, у меня там ужасно чешется! Может, это последствия того порошка?

[007]: Откуда мне знать? Я его не наносил. Ты все время выдумываешь какие-то глупости, и вот результат — теперь даже пописать нормально не можешь!

Гу Чжэнь, погруженный в пучину отчаяния, промолвил:

— Ты вообще мой родной систем? Мне так плохо, а ты еще и подливаешь масла в огонь! Нет ли какого-нибудь способа унять этот зуд?!

Он нырнул под одеяло, запустив руку в штаны и начав яростно чесаться. Ощущая, как его нижняя часть тела пульсирует, он почувствовал, как боль и зуд заставляют его все тело содрогаться. После нескольких почесываний он ощутил влагу на кончиках пальцев и в ужасе подумал: «Неужели я себя до недержания довел? Или, что еще хуже, кончил от расчесывания? Кажется, моя мужская функция совсем разладилась».

Он быстро вытащил руку и, взглянув, ужаснулся еще больше.

— Ааааа, братан, я себя там до крови расчесал! Я что, сам себя в евнухи превращу?

[007]: ...

— Успокойся уже. Если совсем немоготу, помойся еще раз. А лучше сунь задницу в таз с водой. Хватит орать как ненормальный!

Гу Чжэнь с жалобным видом посмотрел на таз с водой, который ранее нагревал Хэ Сюйлян, но теперь она полностью остыла. Он с беспокойством спросил:

— Я что, себе член отморожу?

[007], не выдержав, мысленно выругался:

— Либо терпи, либо чешись сам. Хватит уже ныть! Кто тебя заставлял выдумывать эти глупости? Сам виноват, теперь сам и разбирайся. Не отвлекай меня!

Гу Чжэнь объяснил вспыльчивость 007 тем, что тот, будучи мужской системой, страдает от

отсутствия собственного члена, что вызывает в нем горечь и неудовлетворенность.

В конце концов, Гу Чжэнь, измученный этим странным порошком, который вызывал одновременно зуд и боль, оказался на грани срыва. Он уже не обращал внимания на то, чистая ли вода и холодная ли она, и снова помылся, но уже каким-то странным способом. После этого он еле живой повалился на кровать, его зрачки, казалось, готовы были вылезти из глазниц.

— Я умираю... Что я такого натворил?

— Я просто хотел подрочить...

— Кажется, я заработал импотенцию на три года...

— Хватит ныть, давай к делу. Ты только что сказал главному герою, что собираешься вести переговоры с кочевниками-ху?

Гу Чжэнь перевернулся на спину, уставившись в потолок, и ответил:

— Ага, а что?

— Ты вообще не подумал о безопасности? Кочевники-ху могут разорвать тебя на части одним движением. Не боишься погибнуть там? Или ты собираешься взять с собой отряд?

Гу Чжэнь покачал головой:

— Не могу взять солдат. Здесь и так мало охраны. Если я заберу часть, кочевники-ху могут устроить внезапную атаку. Я возьму с собой только одного человека.

— Хэ Сюйляна?

— Нет, Жу Сюэ.

— Зачем тебе она? Чтобы кочевникам пульс померить?

Гу Чжэнь, все еще чувствуя дискомфорт, снова перевернулся на живот, как черепаха, лежащая на кровати, и сказал 007:

— Я снова перечитал описание кочевников-ху в оригинале. У них мало женщин, и большинство из них — настоящие фурии, Легу не исключение. Они живут в холодных регионах, и даже женщины там на семьдесят процентов высокие и крепкие. Я беру Жу Сюэ, чтобы показать им, что в Цзяньюнь женщины совсем другие — милые и нежные. Если они захотят подчиниться Цзяньюнь, у них будет множество таких красавиц. Это своего рода мягкая сила перед битвой, попытка психологического воздействия.

[007] недоумевал:

— Тогда лучше взять Си Юэ. Она хоть немного умеет драться. А Жу Сюэ ни на что не способна. Если они решат тебя схватить, ты ничего не сможешь сделать.

Гу Чжэнь покачал головой:

— Си Юэ не подходит. Она всегда холодная, даже улыбнуться не может. Мужчинам она не понравится. К тому же, она ненавидит меня. Кто знает, что у нее на уме? Может, она в последний момент предаст меня и встанет на сторону кочевников-ху. Мне этого не нужно. Что

касается захвата, это маловероятно. Они, конечно, отстали в развитии, но не глупы. Они понимают, что лучше иметь много женщин, чем одну. Они смогут это просчитать.

[007] задумался на мгновение, а затем произнес:

— Ты похож на сводника, который выводит девушек на продажу.

Гу Чжэнь рассмеялся:

— Не говори так грубо. Это использование доступных ресурсов. Жу Сюэ такая красивая, а в оригинале она умерла на чужбине после того, как ее изнасиловали. Лучше уж пусть она послужит стране.

[007] дал понять, что в его словах есть доля правды.

Гу Чжэнь, продолжая ворочаться, все еще чувствовал дискомфорт в нижней части тела. Сначала это был зуд и боль, а теперь добавилось онемение. Он начал бояться, не заработал ли он себе какую-нибудь болезнь. Его мужское достоинство!

Он сел и снова заглянул в штаны, с удивлением обнаружив, что порошок действительно удалил омертвевшую кожу. То, что раньше было черным и неопрятным, теперь превратилось в нечто розовое и мягкое. Гу Чжэнь немного успокоился... По крайней мере, первоначальная цель была достигнута...

Но он обнаружил более серьезную проблему...

После всех этих мучений он... вообще не мог возбудиться!?

В маленьком лагере Цюньсян слова Гу Чжэня были равносильны указу. Если он считал что-то правильным, даже если бы он решил сдаться, никто не посмел бы возразить. Но в этом мире главным был Хэ Сюйлян, и из-за своей внутренней покорности Гу Чжэнь решил поделиться своим, как он считал, безупречным планом с ним.

Он ожидал, что тот согласится, возможно, даже восхитится его хитростью, но вместо этого Хэ Сюйлян резко выступил против.

— Господин Гу, хоть я и не обладаю таким опытом на поле боя, как генерал Хэ, но это не первый раз, когда я беру на себя ответственность в критической ситуации. У меня есть свои соображения. Что именно вас не устраивает?

Гу Чжэнь, сдерживая гнев, сидел за длинным столом в палатке, его голос был полон сарказма. Он думал: «Я сообщил тебе из уважения к нашим отношениям. Даже если бы я действовал самостоятельно, что бы ты мог сделать? Но теперь ты публично меня унижаешь перед Жу Сюэ и Лян Даго. Ладно, больше с тобой не дружу!»

Хэ Сюйлян, сидящий сбоку, в отличие от Гу Чжэня, оставался спокойным и невозмутимым. Он произнес:

— Поскольку господин знает, что у меня большой опыт на поле боя, то, возможно, стоит прислушаться к моему мнению?

— Наглец!

Гу Чжэнь ударил по столу, его брови сдвинулись, и он задрожал от гнева, чувствуя себя

униженным и оскорбленным. Он тихо закричал:

— Ты что, бунтуешь? Ты так открыто показываешь свое неуважение ко мне? Что, тебе плохо служить под началом такого бездарного канцлера, как я?

Хэ Сюйлян медленно поднял голову, глядя на покрасневшие от гнева глаза Гу Чжэня. Неизвестно, было ли это объяснение, утешение или что-то еще, но он произнес:

— Я не это имел в виду.

Жу Сюэ и Лян Даго, стоящие рядом, чувствовали себя крайне неловко. Лян Даго, будучи шпионом, не имел четкого мнения о решении Гу Чжэня взять Жу Сюэ на переговоры с кочевниками-ху. Для него это не было ни хорошим, ни плохим, поэтому он внешне поддерживал Гу Чжэня. Единственным, кто активно возражал, был Хэ Сюйлян.

Жу Сюэ взглянула на напряженную атмосферу между ними и, подойдя к Хэ Сюйляну, сказала:

— Генерал Хэ, не стоит слишком беспокоиться. Господин Гу прав. Кочевники-ху, хоть и дикие, но не глупы. Если объяснить им выгоду, они поймут. Как говорится, во время войны послов не убивают. Тем более, если это канцлер целого государства. Думаю, ничего плохого не случится. Генерал Хэ, успокойтесь.

После слов Жу Сюэ Гу Чжэнь с облегчением фыркнул.

<http://bllate.org/book/16782/1543294>